

ТА ОСЕНЬ на Оке была особенно тихой и прозрачной. Лесные пожары, свирепствовавшие летом, наконец, утомились, и река, освобожденная от едкого дыма, легко дышала сентябрьской свежестью.

Наш пароход швартовался к Конакову, небольшой пристанюшке, притулившейся у невысокого окского крутояра. Отдав команды рулевому и матросам, я вышел на палубу.

— Вот и Пирогов домой поехал. Значит, верно, к зиме дело... Он всегда последним пароходом... — промол-

— А ведь в то время Шаляпин пел! Рядом с такой славой нетрудно было и затеряться.

Так рождалась династия, корнями, традициями, духом своим выросшая из бездонной глубины народной.

К началу двадцатых годов молодая советская опера приняла в свои ряды также Александра и Михаила Пироговых, и в одной из постановок «Демона» как-то участвовали сразу трое братьев. А осенью 1923 года Григорий Степанович был в числе первых артистов, кого Советская власть послала за гра-

войны, закончив ее ответственным работником штаба фронта. После окончания Шаляпинской драматической студии играл в ее спектаклях, снимался в кино. Затем дорогой старших братьев пришел в Большой театр, с афиш которого около двадцати лет не сходила фамилия Пирогов-Окский, последнего певца этой замечательной басовой династии.

Выйдя на пенсию, Алексей Степанович ведет оперный класс во Дворце культуры Метростроя, создает музеи в Рязани и на новом теплоходе, пришедшем на смену старому пароходнику «Григорий Пирогов». И, как прежде, каждое лето проводит на Оке, бывает в домике на Медвежке, где когда-то шумно и весело отдыхал с Александром.

В феврале прошлого года ему исполнилось 80 лет. В Большом зале Дворца культуры Метростроя, где по традиции чествуют победителей соревнования, Алексею Степановичу за долгую и плодотворную работу с молодежью в честь его юбилея преподнесли почетный значок Метростроя и каску проводника метро.

...С той нашей первой встречи прошло уже несколько лет. Мы подружились, и теперь первым весенним рейсом Алексей Степанович уезжал с нами на Оку, последним осенним возвращался в Москву. В июле 1973-го, в годовщину смерти Александра Пирогова, у Медвежки под траурный гудок парохода с борта на воду был спущен венок из полевых цветов.

И вот я ушел с парохода, с Оки. Думалось — навсегда... Узнав об этом, Алексей Степанович обиделся, поругал меня и, кажется, не поверил.

А прошлым летом я снова поднялся в рубку, заняв в ней штурманское место. Когда в одном из рейсов пароход подошел к Конакову, я увидел среди толпы согбенную фигурку Алексея Степановича. Поздоровавшись, он спросил с обычной своей доброй улыбкой:

— Опять на Оке?

— Опять, — развел я руками.

— То-то! От себя не убежишь! — И спрашивает про моего сына, и улыбается, теперь уже совсем довольный. — К реке приучи, на пользу пойдут.

И мы говорим о делах, о здоровье...

— На Медвежку собрался, проведать надо... — и тут же вспыхивает лучиками морщин его лицо. — В этом году прямо счастье какое-то на Мещеру. Крутом одни палатки, а тут еще турбазу открыли прямо в заповеднике. Разве можно! — И долго говорит о прелести Мещерского края, о неопенимом богатстве его, которое хранить нужно более, чем зеницу ока. И уже на прощание молвит:

— На Медвежке поспивать по старой памяти. А зимой в Москву приезжай: Большой театр покажу. Давно все собираешься.

...Было уже темно, но силуэты двух домиков четко вырисовывались на подсвеченном лунной полотно неба. Лунный свет струился, отражался холодными бликами от гладкой поверхности большого камня. Ока дугой огибала песчаную косу, и волны от парохода точно повторяли ее, разбрасывая по пескам и ярам шорохи и лунные блестящие. И не распутывая разлившейся вокруг тишины, мягко и приглушенно пел гудок. Здраваясь. Прощаясь. Помня.

И еще одну новость узнал я минувшим летом. В Московском пароходстве появился теплоход «Александр Пирогов», в точности похожий на своего собрата, носящего имя Григория Степановича.

...Морозной зимой, включая магнитофон, я с волнением слушаю записи прекрасных, глубоких голосов братьев Пироговых. Я слышу в них и напор окского течения, и ровный шум ветра в лесах, и далекий раскат грома.

А сына своего я назвал Алешкой...

А. БАЯГИН.

ТАЛАНТЫ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

ГОЛОСА ОКИ

вил мягкий старческий голос у меня за спиной. Другой, помоложе, тут же спросил:

— Это который Пирогов?

— Алексей Степанович! Последний из басовой династии Большого театра, — пояснил первый. И начал рассказывать о том, что братья Пироговы родились на Оке, что у всех у них был особый, «пироговский» бас и что Пироговы и Ока так же неотделимы, как Пироговы и Большой театр.

Я посмотрел на пристань. Там среди десятка сельских мужичков наверняка прибежавших в буфет за пивом, около немногочисленных вещей скромно стояла преклонных лет пара: сутуловатый мужчина в плаще и кепке и хрупкая живая женщина с сияющими в улыбке глазами.

Она улыбалась пароходу, как улыбаются старому, доброму другу, с которым давно не виделись. Мужчина, напротив, смотрел на пароход так, будто расстался с ним самое большее дня два назад. И по трапу мужчины с женщиной двинулись спокойно и уверенно, как входят в свой дом.

А вечером старик поднялся в рубку, поздоровался, глухо отнеся для знакомства: «Пирогов», и попросил разрешения посидеть наверху. Я разрешил. Он устроился в кресле и часа два просидел молча и неподвижно, а уходя, пожелал счастливого пути, как это принято у водников при смене вахты. Потом он каждый вечер в одно и то же время приходил в рубку, молчал, но как-то вдруг неожиданно для меня спросил:

— Пароход «Добролюбов» еще ходит? — Я ответил, что ходит, только теперь чаще по Волге, чем по Оке. Дослушав, он проговорил, словно заканчивая какую-то свою мысль: — Свисток на нем с «Григория Пирогова», который раньше по Оке ходил. Густой, бархатный голос!

Мы разговорились. Я попросил его рассказать о братьях, о себе.

Алексей Степанович некоторое время молча смотрел на засыпающую реку, потом откашлялся и заговорил своим приглуховатым голосом. Из неторопливого его рассказа я узнал, что родом Пироговы из Новоселок, которые недалеко от есенинского Константинова на Рязанщине, что отец их, Степан Иванович, был сельским столяром и сыновей хотел приучить к тому же делу. Узнал о том, как начал петь Григорий, старший из братьев, как трудна была его дорога к учению, к оперной сцене.

Алексей Степанович тихо-хорошо смеется, рассказывая комичные истории из жизни старшего брата, ставшего артистом императорских театров, а потом добавляет:

нищу представлять искусство трудового народа.

— Много пришлось ему по свету поездить. Самые лучшие театры Европы аплодировали ему, не пропускали случая попытаться переманить к себе. И чего только не сулили! А Гриша вернется с гастролей уставший и жалется, что очень соскучился по русскому воздуху. И верно, где еще найдешь такую вот прелесть! — Алексей Степанович показывает рукой на притихшую в этот вечерний час реку и заключает: — Любил он Русь!

А мне вспоминаются Новоселки. Небольшое это село раскинуло свои улицы в пойме между высоким коренным берегом и Окой. Ладные домики прячутся в густой чаще фруктовых садов, выставя меж яблоневых и вишневых крон лишь уголки своих крыш. По весне дома, словно в огромных сутробах, утопают в цвете яблони и вишни. Летом с бескрайних заливных лугов из-за Оки приносится сюда мягкий аромат цветов и трав. А ближе к осени маленькая пристанюшка встречает рейсовые пароходы налитыми плодами своих садов и пестрым разноцветьем нарядов... Обыкновенное село на Рязанщине, почти в самом сердце России.

...Дня через два пароход вышел на Волгу. После крутых поворотов Оки, после узкого и капризного ее фарватера Волга успокаивала. Берега раздвинулись, в широком разливе неприметно было течение, и по большой воде пароход бежал легко и резво.

— Ну вот, теперь чай пей и рекой любуйся, — сказал я, в общем-то, ни к кому не обращаясь. Рулевой не ответил: он слышал это почти каждый рейс и был согласен со мной. А Пирогов, до этого молча сидевший в кресле перед рубкой, шевельнулся, чуть повернул в мою сторону голову и спросил то ли удивленно, то ли с сожалением:

— Вы не любите Оку? — Я объяснил ему чисто судовой причины особого отношения к ней, а он, словно продолжая меня в чем-то убеждать, сказал:

— Ока ли, Волга ли, нельзя реку не любить, какие бы причины ни были. Александр Степанович тоже пограничье поездил, и в театре ему путевки на самые лучшие курорты юга предлагали. А он каждое лето на Оку приезжал. На Медвежке у нас домик: спокойно, привольно, рыбы много.

И тихо закончил:

— Там Саша и умер. Меня поразила мягкая убежденность его голоса. Видно, многое было за ней — целая жизнь.

В двадцать восемь лет Алексей Пирогов уже прощал фронты гражданской